

Е.Н. Бондаренко
АНАЛИЗ СИСТЕМЫ ОБРАЗОВ В ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОМ
ПРОИЗВЕДЕНИИ
КАК МЕТОД ОПРЕДЕЛЕНИЯ ПОРОЧАЩЕГО ХАРАКТЕРА
ИНФОРМАЦИИ

E.N. Bondarenko
ANALYSIS OF THE IMAGES IN THE TEXT THERE IS A METHOD TO
IDENTIFY INCRIMINATION INFORMATION

Статья посвящена рассмотрению особенностей выявления порочащего характера информации в публицистическом произведении путём анализа его образной системы.

The article considers the method of analysis system of images works. It is used to detect incriminating information.

Ключевые слова: образ, мотив, текст, лексема, порочащая информация, лингвистическая экспертиза.

Key words: image, motive, lexeme, incriminating information, linguistic expertise.

В лингвистической экспертизе существует традиция изучения художественного текста. Она связывается с проблемами художественного образа, конфликта, художественного вымысла, героя произведения, его автора и другими. Данным вопросам посвящены статьи Лебедовой Н.Б. «“Вот так и живём”, или подсуден ли Персонаж художественного произведения?» и Матвеевой О.Н. «Художественный текст как объект лингвистической экспертизы».

Однако важную роль играет анализ системы образов и в публицистическом произведении. Он позволяет наиболее полно рассмотреть текст, предложенный для исследования, на предмет наличия или отсутствия негативных сведений. Достоинством данного метода является возможность наиболее полно осмыслить мотивную структуру, авторский стиль и коммуникативное намерение адресанта речи. Кроме того, он позволяет подойти к проблеме выявления порочного характера сведений комплексно: другие методы (анализ семантики слова, контент-анализ и т.п.) рассматривают текст фрагментарно, основываясь на анализе отдельных речевых единиц. Это часто не позволяет обнаружить положительный или отрицательный полюс информации, так как он может быть выражен не в отдельных фразах, а в созданных автором типах героев публикации и в той роли, которую они в ней выполняют.

Данный метод применялся при исследовании статей, в которых негативный характер информации был выражен специфично: героям публикации приписывались черты и особенности поведения действующих лиц художественных произведений, а также качества образов массовой культуры. Перед экспертом был поставлен вопрос: «Содержатся ли в статьях негативные (отрицательные) сведения о К., Р. и В.?». Ответ на него подразумевал следующий характер рассуждений: в предложенных на исследование статьях речь идёт о деятельности К. Высказывания, касающиеся данного лица, представляют собой не разрозненные текстовые элементы в отдельных речевых произведениях, а метатекст (совокупность речевых конструкций, образующих новый текст с вербализованным прагматическим содержанием). Иными словами, данные сообщения в различных статьях развёртываются в одну, общую концепцию (идею, складывающуюся из отдельных толкований действительности). Об этом свидетельствует, во-первых, названия статей («Нет, это не Рио-де-Жанейро, это гораздо хуже», «Мы чужие на этом празднике жизни», «Шура, голубчик, восстановите, пожалуйста, статус-кво!»),

«Придётся переквалифицироваться в управдомы»), являющиеся цитатами из произведений И. Ильфа и Е. Петрова; во-вторых, дословные выдержки из указанного источника («Тайный союз меча и орала!», «Неужели не узнаёте? А между тем, многие находят, что я поразительно похож на своего отца», «Кто такой Студебеккер? Это ваш родственник Студебеккер? Папа ваш Студебеккер? Чего вы прилипли к человеку?») и даже описания некоторых эпизодов (например, выступление Остапа Бендера в Васюках); в-третьих, повторяющиеся (сквозные) герои и мотивы во всех публицистических текстах.

Условно композиционные элементы статей, выполняющих функцию «связности» высказываний до текста, можно разделить на несколько групп. Они будут соответствовать составляющей каркас произведения мотивной структуре:

- первый мотив – «информация» (владение знаниями и их накопление в личных интересах, ключевой образ – шантажист);
- второй мотив – «криминальный мир» (выходящее за рамки общепринятого и предосудительное поведение, ключевой образ – Дон Корлеоне);
- третий мотив – «закон на стороне преступности, или служебное “покровительство”» (использование служебного положения для удовлетворения личных амбиций и во вред законопослушному населению, ключевой образ – «настоящий полковник»);
- четвёртый мотив – «похождения пикаро (плута, авантюриста)» («приключения рыцаря» без морали и принципов, ключевой образ – Остап Бендер).

Каждый из перечисленных смыслообразующих конструкторов раскрывается в конкретных высказываниях о личных и деловых качествах К., сообщениях о его деятельности. Сюжетную ткань метатекста составляет повествование о некоторых эпизодах его жизни.

Мотив «информация» присутствует в следующих фразах: «Неоднократно К. озвучивал, что приход во власть такого человека, обладающего определённой информацией, не хотят многие в городе. А зачем нам жителям города эти папки с ИНФОРМАЦИЕЙ [то бишь – компроматом]?»; «[Высказывание К.:] “Очевидно, не всем нравится, что к руководству городом может прийти жёсткий руководитель, обладающий кроме этого определённой информацией”. Это что, угроза жителям города или предупреждение о наличии у человека оперативной информации, которую он обещает использовать в личных интересах?»; «Разве Вы, К., не владели оперативной информацией в городе? Или приберегли определённую ИНФОРМАЦИЮ на всякий случай?». Неоднократные повторения лексемы (слова как абстрактной единицы «естественного» языка) «информация» в контексте нанесения вреда чьей-либо репутации и запугивания угрозой о разглашении сведений с целью получения личной выгоды, иллюзорная ситуация выбора (выбирают между двумя полярностями, автор же предлагает выбрать между двумя отрицательными характеристиками, никак не противопоставленными друг другу: между угрозой жителям или предупреждением тем же жителям) создают безапелляционный характер суждений, их неоспоримость и истинность, несмотря на форму выражения материала (использование вводных слов и вопросительных местоимений, а также вопросительных синтаксических конструкций). Кроме того, сообщения о подобном поведении К. выражены в виде риторических вопросов, которые в публицистическом произведении не только не нуждаются в ответе, а сами выступают в роли утверждения. Таким образом, К. воспринимается адресатами речевого акта как шантажист.

Мотив «криминальный мир» относится к следующим фразам: «Почему сегодня люди [К. и его идейные сторонники], которые не проявляли в течение многих лет свою гражданскую позицию, представляют себя символами «Нового Н...ска»?»; «Кто и с какой целью в очередной раз способствовал незаконной застройке города торговыми объектами, так и осталось за кадром. К., в силу своих полномочий, являлся на протяжении многих лет одним из руководителей районной комиссии по антитеррористической защищённости

объектов на территории Н...ского района. Но до конца своей карьеры не шёл на диалог с жителями по отсутствию надлежащих документов антитеррористической деятельности многих торговых комплексов города»; «затем девушка начала заниматься коммерцией и за то, что не платила бандитам, жгли и грабили её палатки. Решили ещё раз обратиться за помощью к Вам, К.! Написали официальное заявление в отделение №1 и... больше к палатке никто не подходил!? Прямо Дон Корлеоне!»; «Кто Вам [К.] препятствовал в пресечении незаконной распродажи пахотных земель на протяжении многих лет, в том числе, и в Белозерском поселении, которые Прокуратуре вернуть не позволил пропущенный срок на обращение в суд?»; «Но Н...ский район уже много лет живёт по каким-то особым правилам и понятиям. В нашем городе начальник управления №2 по Н...скому району в последние три года стал одной из публичных персон»; «Он [К.] <...> стал разъезжать по городу на дорогах внедорожниках японского и немецкого производства, госномера на всех “блатные”: 777, 001 и т.д.».

Образ К. автор статей воссоздаёт на основе уже имеющегося художественного прототипа. Герой повествования описывается как очень влиятельный и наделённый огромной властью человек, способный воздействовать даже на криминальные структуры. Отсюда и появляется сравнение с действующим лицом романа Марио Пьюзо «Крёстный отец» и основанного на нём фильма Фрэнсиса Форда Coppola – Доном Вито Корлеоне, который возглавлял один из самых могущественных кланов итало-американской мафии.

Преступная деятельность К., его причастность к криминальному миру, влияние на незаконные формирования подтверждаются сообщениями о его воздействии на других героев публикации. Так, в статье «Мы чужие на этом празднике жизни» появляются образы вымогателей, находящихся в подчинении у «Дона Корлеоне» [К.]. При этом герои публикации выступают не только в роли зависящих от чужой воли людей, но и предстают в глазах читателя в качестве избравших путь преступности по собственной инициативе братьев. Реципиент (воспринимающий) видит в своём сознании некий семейный клан, занимающийся преступной деятельностью. Автор статьи пишет об этом, используя речевые стереотипы [См.: Лихачёв, Д.С. Черты первобытного примитивизма воровской речи] криминального мира: «Ей [М. – пострадавшая сторона в публицистическом произведении] <...> забил «стрелку» директор пионерлагеря Р. <...> На ней присутствовало три человека и которые стали требовать деньги в сумме 55.000 руб. <...> Младший брат – главный врач горбольницы В. стал угрожать со словами: я своего брата не дам в обиду, если что, ты знаешь, МЫ можем... (типа, не только ласково говорить, но и нажать на рычаги, заставить, за тобой приедут, которые будут по-другому разговаривать)»; «Как дальше работала фирма Р. и К*? <...> старший брат сказал: “Я теперь умнее стал, знаю сколько накручивать”»; «А чем занимался в комитете по здравоохранению В.? Никто не задумывался, по каким ценам семейное предприятие братьев Р. и В. поставляло продукты и медикаменты [ранее в тексте указывалось, что цены очень завышались] в муниципальные учреждения?»; «По данным следствия, для оказания давления на строптивого коллегу Р. обращался за помощью к местным криминальным авторитетам».

Употребление жаргонной лексики («забить стрелку», «типа», «накручивать» и т.п.) помогает корреспонденту воссоздать атмосферу криминального мира, в котором живут и взаимодействуют, а потому и общаются на криминальном сленге (См.: Цыбулевская, А.В. Эмотивный арготический лексикон), «фене» (языке посвящённых) герои его публикации. Таким образом, К. выступает в роли «крёстного отца» для криминальных структур, причастность к которым имеют братья В. и Р.

Помимо содействия преступной деятельности указанных лиц, К. в целом придерживается принципов жизни криминального мира. Об этом свидетельствует многократное упоминание в газете фактов соблюдения указанным лицом особого «кодекса» бытия: «<...> Люди, носящие звание офицера, в чьи обязанности входила безопасность граждан от ОПГ, которая подрывала экономическую безопасность

Государства, решали вопросы по понятиям, а не по Закону!». Словоформа «(по) понятиям» относится к арготической лексике (язык деклассированных групп общества, язык воров и т.п.) и имеет значение – представление об устройстве мира, устойчивые убеждения, принципы, законы и правила его организации на основе криминального «кодекса». Семантику (смысл) указанной речевой единицы раскрывает контекст статьи, кроме того подобную дефиницию (определение) читатель приписывает ей, опираясь и на особенности функционирования слова в языке. Примером могут являться следующие случаи употребления лексемы в «Национальном корпусе русского языка»:

- «В противном случае это будет жизнь не по Конституции, а по понятиям» (Светлана Сухова. Конституция и революция (2003)// «Итоги», 2003.03.04);

- «В современном альпинизме, как и во всей стране многое делается по понятиям, правовое поле государства ещё не налажено и, подписав бумаги, можно здорово и надолго загреметь куда-нибудь (во всём тексте исследования орфография и пунктуация авторская)» (Новая тема, которую никто пока не трогает (форум) (2008));

- «А если ты вор в рамке, то изволь этих рамок держаться, за них не выходить и жить по понятиям» (Михаил Гиголашвили. Чёртовое колесо (2007)).

Использование исследуемой словоформы в живой речи показывает, что она составляет антонимичную пару со словоформой «(по) закону». Следовательно, вся деятельность К. в метатексте может квалифицироваться как противозаконная. Отсюда пространство, которое организует вокруг себя главное действующее лицо статей, воспринимается в качестве криминального.

Третий мотив «закон на стороне преступности, или служебное “покровительство” реализуется в высказываниях, касающихся личной жизни и общественно-политических взглядов К.: «<...> Торговый комплекс в центре нашего города построен на месте вырубленного парка <...> его директором работает Т., дочь начальника отдела №1 по Н...скому району К. Смогла бы компания ООО построить ТЦ, не будь у будущего директора торгового центра столь влиятельного ПАПЫ? Смогла бы Т. стать директором торгового центра, если бы её отец был простым слесарем, а не полковником?»; «Давайте <...> страничку из личного дела настоящего полковника прочтём <...> не безопасность граждан и соблюдение Закона интересовало его, а не рассмотрение обращений граждан в меру своей компетенции»; «Если бы настоящий полковник по Закону реагировал на обращения граждан о преступлении, то не выросли бы аппетиты главного врача Р. до 500.000 руб. <...>»; «Как только Вы успевали заботиться об экономической безопасности Государства, тиражируя личность начальника секретной службы, когда в течение года Ваше фото не сходит со страниц местной прессы? <...> Прямо настоящий полковник! Сказал и ... все заметили заботу о нас кандидата на должность главы города»; «Если ты за «Единую Россию» – тебя там ждут Б., Д. Все они за “настоящего полковника”».

Главное действующее лицо метатекста неоднократно упоминается под номинацией «настоящий полковник» (См. текст песни: Исаков, Ю. Настоящий полковник). Это словосочетание является *крылатым*, то есть выражением образного и афористического характера. Его большая выразительность позволяет дать оценку ситуации, не вдаваясь в подробности при её описании. Крылатое словосочетание вызывает в памяти реципиента случай, который происходил в тексте первоисточника, где возникло данное выражение, и наделяет его сходной, практически идентичной семантикой, не поддающейся апелляции и убеждающей в недоказуемом. Номинация «настоящий полковник» стала нарицательной (обозначающей название однородного класса предметов, лиц или явлений) благодаря одноимённой песне А.Б. Пугачёвой. В ней повествуется о том, как, представившись «бравым военным», уголовный преступник разбил сердце доверившейся ему женщине. По сравнению с породившим номинацию текстом, семантика выражения значительно расширилась. В сознании носителей языка словосочетание «настоящий полковник» определяет негативные черты личности, представляющееся важной и солидной, при этом совершающей бесшабашные, безответственные поступки. Об этом свидетельствует

практика употребления номинации в живой речи («Национальный корпус русского языка»):

- «Один такой «настоящий полковник» долго бродил по редакции и спрашивал у журналистов, к кому ему надо обратиться, чтобы газета никогда не упоминала название банка ни в каком контексте – нив хорошем, ни в плохом» (Анна Каледина. Синдром Фигаро. Что делает пресс-секретарь в банке (2002)// «Известия», 2002.04.30);

- «Статья называлась: Настоящий полковник, импотенция ложная Когда тебе двадцать лет, сорокалетние кажутся солидными людьми» (Владимир Шахиджанян. 1001 вопрос про ЭТО (33 501 – 1001) (1999));

- «– Ну, понимаете, – свойским, всё умеющим объяснить голосом настоящего полковника, как бы вовлекая меня в этот незаконный процесс, объясняет полковник, – у депутата дочь. Надо ей купить квартиру в Москве» (Сергей Есин. Маркиз Астольф де Кюстин. Почта духов, или Россия в 2007 году. Переложение на отечественный Сергея Есина (2007)).

Таким образом, словосочетание «настоящий полковник» обозначает бесчестного человека, способного на аморальные поступки, мошенника, скрывающегося за солидной, внушительной внешностью и, возможно, имеющим высокое служебное положение. Все указанные характеристики соответствуют образу К., созданному в статьях. Кроме того, актуализация внимания на успешной карьере его дочери Т. в связи с постом главного действующего лица в метатексте вносит в исследуемое произведение тему покровительства. Роль влиятельного «папы», занимающего высокую должность, характеризует К. ещё с одной стороны: «настоящий полковник» наделяется чертами протекциониста (человека, оказывающего поддержку и содействующего устройству дел своих родственников, пусть и во вред окружающим).

Этот мотив очень тесно переплетается с четвёртым мотивом «похождения пикаро». Образ «настоящего полковника» трансформируется в образ много повидавшего авантюриста. Теперь поступки главного героя метатекста освещаются с позиций страстной увлечённости той деятельностью, которой он занимается. Для К. противозаконные поступки не просто необходимость, вызванная обыденностью, а достаточно привлекательное приключение. Так на страницах газеты появляется образ «великого комбинатора». В лексикографических источниках данный фразеологизм (семантически неделимое сочетание слов) интерпретируется следующим образом: «О ловком пройдохе, добивающемся успеха путём разных уловок, ухищрений, мошенничества. // *К общему изумлению бабушка оказалась великим комбинатором: в войну она ухитрялась обменивать на продукты такие безделушки, на которые казалось, и смотреть-то никто не захочет (Разг.)*» Фразеологизм литературного происхождения, вошёл в оборот благодаря романам И.Ильфа и Е. Петрова «Двенадцать стульев» и «Золотой телёнок», главный герой которых Остап Бендер назван **ВЕЛИКИМ КОМБИНАТОРОМ**» [Субботина, 2002, с.146].

Именно так характеризуется в статьях и К.: «<...> За всем происходящим [отсутствие возражений по поводу бездействия депутатов и отставка борющегося с этим и.о. главы города Н...ска Ю.] и голосованием депутатов наблюдал полковник К. <...> потом обсуждали причину присутствия начальника районного отдела №1 на городском Совете депутатов. Как не вспомнить слова «великого комбинатора» – Тайный союз меча и орала!»; «Прям как по Ильфу и Петрову, **выступление Остапа Бендера перед шахматной общественностью захолустного городка Васюки** [о выступлении К. по поводу изыскания денежных средств для сборной команды КВН города Н...ска]». Кроме того, образ «великого комбинатора» появляется и в названиях статей, и в анонсах к ним (см. аргументы по поводу объединения статей в метатекст). В сознании читателя фигура Остапа Бендера воспринимается критично (См.: Беляков, С.С. Одинокий парус Остапа Бендера). Конечно, он умён, сообразителен, смекалист, обаятелен, обладает прекрасными

актёрскими способностями, дальновиден и проницателен, энергичен, наделён чувством юмора, однако это ещё и язвительный циник, пренебрежительно относящийся к нормам нравственности, благопристойности, испытывающий откровенное презрение к чему-либо высокому, признанному всеми людьми, эгоцентрик, везде преследующий только корыстные интересы. Подобным хитрецом и мошенником выступает в предложенных на исследование материалах К.

Все, созданные в статьях образы («шантажист», «криминальный авторитет – Дон Корлеоне», управляющий «семейным кланом» братьев Р. И В., «настоящий полковник», «великий комбинатор – Остап Бендер»), воспринимаются читательской аудиторией отрицательно, следовательно, информация, представленную в газете, можно назвать негативной и квалифицировать как порочащую.

Выделение основных мотивов в текстах статей (мотив «информация», «криминальный мир», «покровительство», «похождения пикаро») и вытекающее из структурного анализа определение ключевых образов публицистического произведения («шантажист», «Дон Корлеоне», «настоящий полковник», «Остап Бендер», «семейный клан/братья-преступники») позволяет установить, что в статьях содержатся негативные (отрицательные) сведения о К., Р. и В.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Беляков, С.С.** Одинокий парус Остапа Бендера [Текст]/ С.С. Беляков// Новый мир, 2005, № 12
2. **Исаков, Ю.** Настоящий полковник [Электронный ресурс]/ Ю. Исаков// Алла Пугачёва. Официальный сайт. Режим доступа: <http://alla/pugacheva.pro/nastoyashchii-polkovnik>
3. **Лебедева Н.Б.** “Вот так и живём”, или подсуден ли Персонаж художественного произведения? [Текст]/ Н.Б. Лебедева// Юрислингвистика-7: Язык как феномен правовой коммуникации/ Под ред. Н.Д. Голева. Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2005. С. 346 – 357
4. **Лихачёв, Д.С.** Черты первобытного примитивизма воровской речи [Текст]/ Д.С. Лихачёв// Язык и мышление. М.-Л., 1935. Т. 3 – 4. С. 47 – 100
5. **Матвеева О.Н.** Художественный текст как объект лингвистической экспертизы [Текст]/ О.Н. Матвеева// Юрислингвистика-8: Русский язык и современное российское право / Под ред. Н.Д. Голева. Кемерово-Барнаул: Издательство Алтайского университета, 2007. С. 255 – 260
6. **Национальный корпус русского языка** [Электронный ресурс]/ Национальный корпус русского языка. Режим доступа: <http://ruscorpora.ru>
7. **Субботина, Л.А.** Фразеологический словарь русского языка [Текст]/ Л.А. Субботина. Екатеринбург: Издательство «У-Фактория», 2002. 412с.
8. **Цыбулевская, А.В.** Эмотивный арготический лексикон [Текст]/ А.В. Цыбулевская. Диссертация на соискание степени кандидата филологических наук. Ставрополь, 2005. 176с.